

Технологос власти: исследование дискурса об искусственном интеллекте в России

О.А. Яманова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В последние годы наблюдается рост популярности технологий искусственного интеллекта, которые трансформировались из узкоспециализированного инструментария в объект широкой публичной дискуссии. Искусственный интеллект стал предметом публичной риторики не только технологических экспертов, но и представителей политической элиты, что свидетельствует о его превращении в значимый элемент общественно-политического дискурса. В современном российском политическом пространстве наблюдается активное обсуждение вопросов развития технологий искусственного интеллекта, что требует изучения позиций политической элиты. В отечественной науке отсутствуют работы, которые бы системно анализировали высказывания российских политиков о технологиях ИИ через методы дискурс-анализа. Существует значительный пробел в понимании того, как формируется политическое поле технологического развития в области искусственного интеллекта. Актуальность исследования определяется тем, что политические высказывания напрямую влияют на создание законов и программ развития технологий, а также необходимостью понимания скрытых идеологических установок в заявлениях политических деятелей. Исследование направлено на выявление и анализ способов, которыми представители российской политической элиты конструируют политическое поле развития технологий искусственного интеллекта в своих публичных высказываниях. Эмпирическая база включает более 100 высказываний восьми ключевых политических деятелей России в период с 2022 по 2025 год. Применялся комплексный подход, объединяющий критический дискурс-анализ и семантический контент-анализ. Материал собирался методом целенаправленного отбора из официальных сайтов государственных органов, стенограмм выступлений, пресс-конференций и интервью в средствах массовой информации. Выявлены пять основных направлений в обсуждении ИИ: технологический суверенитет, экономическая эффективность, этическое регулирование, образовательная трансформация и эсхатологические опасения. Подтверждена гипотеза о формировании особой российской модели понимания ИИ, которая объединяет технократический, государственный и традиционалистский подходы. Выявлены существенные различия между заявленными установками и реальными действиями в области технологической политики. Наиболее вероятным представляется формирование смешанной модели развития ИИ с доминированием государственно-частного партнерства при сохранении принципов технологической независимости. Прогнозируется усиление государственного контроля в стратегически важных сферах при предоставлении свободы частному сектору в коммерческих проектах. Практическая реализация данной модели будет характеризоваться сосредоточением ИИ-технологий в нескольких крупных компаниях под государственным надзором, постепенным внедрением технологий в образование с сохранением роли учителей, а также развитием международного технологического сотрудничества с дружественными странами.

Ключевые слова: политический дискурс; искусственный интеллект; дискурсивные стратегии; российская политическая элита; технологический суверенитет; дискурс-анализ; государственное регулирование

Для цитирования: Яманова О.А. Технологос власти: исследование дискурса об искусственном интеллекте в России. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025;15(6):90-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-90-102

Technologist of Power: A Study of the Discourse on Artificial Intelligence in Russia

O.A. Yamanova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTARCT

In recent years, there has been an increase in the popularity of artificial intelligence technologies, which have transformed from highly specialized tools into an object of widespread public discussion. Artificial intelligence has become the subject of public rhetoric not only by technology experts, but also by representatives of the political elite, which indicates its transformation into a significant element of socio-political discourse. In the modern Russian political space, there is an active

discussion of the development of artificial intelligence technologies, which requires studying the positions of the political elite. There are no works in Russian science that would systematically analyze the statements of Russian politicians about AI technologies through the methods of discourse analysis. There is a significant gap in understanding how the political field of technological development in the field of artificial intelligence is being formed. The relevance of the research is determined by the fact that political statements directly influence the creation of laws and technology development programs, as well as the need to understand hidden ideological attitudes in the statements of political figures. The research is aimed at identifying and analyzing the ways in which representatives of the Russian political elite construct the political field for the development of artificial intelligence technologies in their public statements. The empirical base includes more than 100 statements by eight key Russian political figures in the period from 2022 to 2025. An integrated approach was applied, combining critical discourse analysis and semantic content analysis. The material was collected by targeted selection from the official websites of government agencies, transcripts of speeches, press conferences and interviews in the media. Five main areas of AI discussion have been identified: technological sovereignty, economic efficiency, ethical regulation, educational transformation, and eschatological concerns. The hypothesis of the formation of a special Russian model of understanding AI, which combines technocratic, state and traditionalist approaches, is confirmed. Significant differences have been identified between the stated installations and actual actions in the field of technology policy. The most likely scenario is the formation of a mixed AI development model with the dominance of public-private partnership while maintaining the principles of technological independence. Increased government control in strategically important areas is projected, while granting freedom to the private sector in commercial projects. The practical implementation of this model will be characterized by the concentration of AI technologies in several large companies under government supervision, the gradual introduction of technology into education while maintaining the role of teachers, as well as the development of international technological cooperation with friendly countries.

Keywords: political discourse; artificial intelligence; discursive strategies; Russian political elite; technological sovereignty; discourse analysis; government regulation

For citation: Yamanova O.A. Technologist of power: A study of the discourse on artificial intelligence in Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):90-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-90-102

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблематика развития технологий искусственного интеллекта в современном российском политическом дискурсе представляет собой многоаспектный феномен, требующий комплексного научного осмысления. Тема искусственного интеллекта стремительно ворвалась в общественную жизнь в последние годы. Искусственный интеллект уже давно не остается в тени различных областей жизни, и политика не стала исключением. Технологии искусственного интеллекта становятся доступнее обычным пользователям, вызывая интерес своей инновационностью и новым форматом. Сегодня для многих людей больше нет необходимости искать информацию на специализированных сайтах, анализировать ее, читать несколько источников — все это способны за человека сделать нейронные сети, находящиеся в общественном доступе. Так, в феврале 2023 г. количество пользователей генеративной нейронной сети ChatGPT во всем мире достигло 100 млн человек. В ноябре 2024 г. более 200 млн насчитывало число активных пользователей ChatGPT в неделю — вдвое больше, чем в ноябре 2023 г., а в декабре 2024 г. число пользователей ChatGPT увеличилось до 300 млн чел. в неделю, что подтверждает популяризацию нейросетей. Если говорить о российских нейросетях, то за 2023 г. нейросетью GigaChat воспользовалось более 90 млн человек¹.

¹ URL: <https://www.eastrussia.ru/news/gigachat-sbera-za-god-vospolzovalis-bolee-90-mln-chelovek-/?ysclid=mholgyuvns250665762>

По данным ВЦИОМ, среди молодого поколения (1992 г. и младше) 86% применяли ИИ в течение последнего года². Нейросети становятся не просто инструментом, а персональным помощником человека, что активно пропагандируется в публичном поле. Так, например, Г. Греф, возглавляющий Сбер, — один из основных разработчиков систем ИИ в России, отмечал, что через 2–3 года ИИ станет незаменимым помощником у всех российский семей³. По данным ВЦИОМ, около 54% респондентов уже воспринимают ИИ как помощника.

Искусственный интеллект воспринимается сегодня не просто как технология прогресса, но как некий «новаторский» элемент в публичной риторике. На тему искусственного интеллекта сегодня высказываются не только лица, определяющие пути его разработки и развития, например, ответственные за соответствующие федеральные проекты, но и главы партий и даже представители Русской православной церкви (РПЦ).

Таким образом, особую значимость приобретает изучение высказываний лиц, обладающих институциональным статусом и символическим капиталом в пространстве политической коммуникации, а также соответствующими полномочи-

² ИИ: ваш новый лучший друг? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug?ysclid=mholilrkma191121791>

³ Каждый человек в ближайшие пять лет получит ИИ-помощника, заявил Греф. URL: <https://ria.ru/20231124/gref-1911666094.html>

ями в сфере технологического развития страны (В.В. Путин, Г.О. Греф, Патриарх Кирилл, А.Ю. Хинштейн, М.И. Шадаев, С.М. Миронов, А.А. Ведяхин, Г.А. Зюганов). Предварительный анализ продемонстрировал, что именно данные акторы согласно новостным ресурсам чаще других высказывались об ИИ в публичном пространстве.

Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, наблюдается дефицит научных работ, посвященных системному анализу дискурсивных стратегий российской элиты в отношении технологий искусственного интеллекта. Во-вторых, конструирование политического дискурса в данной сфере непосредственно влияет на формирование нормативно-правовой базы, определяющей векторы технологического развития страны. В-третьих, существует настоятельная необходимость в выявлении имплицитных идеологических установок, репрезентируемых в политических высказываниях относительно развития систем искусственного интеллекта.

Актуальность исследования также обусловлена интенсификацией геополитических процессов в сфере технологического суверенитета. Современная международная обстановка характеризуется формированием конкурирующих моделей регулирования искусственного интеллекта: европейской, американской и китайской. В условиях санкционного давления на Россию актуализируется необходимость исследования специфики российского подхода к концептуализации ИИ-технологий как элемента национальной стратегии технологического развития.

Существует также аспект, связанный с социокультурной спецификой российского дискурсивного пространства. В отличие от западных исследований, сосредоточенных преимущественно на экономических и правовых аспектах ИИ, российский контекст демонстрирует уникальное переплетение технократического, государственно-политического и религиозно-этического дискурсов. Данная особенность требует разработки специализированного методологического инструментария для анализа гибридных дискурсивных формаций.

Практическая значимость исследования заключается в политическом целеполагании. Выявление латентных дискурсивных стратегий политических элит позволяет прогнозировать векторы институционального развития в сфере ИИ. Особую важность приобретает анализ механизмов дискурсивной легитимации технологических инноваций в условиях возрастающих общественных

опасений относительно социальных последствий автоматизации. Также отметим, что интеграция критического дискурс-анализа с семантическим контент-анализом в применении к политическому дискурсу о технологических инновациях представляет собой инновационный исследовательский подход, способствующий развитию междисциплинарных методологий.

Цель исследования заключается в выявлении и системном анализе дискурсивных стратегий конструирования политического поля развития технологий искусственного интеллекта в высказываниях представителей российской политической элиты на основе методологии дискурс-анализа.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в российском политическом дискурсе формируется специфическая модель концептуализации и развития искусственного интеллекта, характеризующаяся конвергенцией различных дискурсивных формаций: технократической (ориентированной на экономическую эффективность), государствоцентричной (акцентирующей технологический суверенитет и национальную безопасность) и традиционалистской (фокусирующейся на этических аспектах и культурной идентичности).

Объектом исследования выступает более 100 публичных высказываний представителей российской политической элиты (В.В. Путина, Г.О. Грефа, Патриарха Кирилла, А.Ю. Хинштейна, М.И. Шадаева, С.М. Миронова, А.А. Ведяхина, Г.А. Зюганова), касающиеся развития технологий искусственного интеллекта в период с 2022 по 2025 г. Предметом исследования являются дискурсивные стратегии и практики конструирования политического пространства технологического развития в области ИИ.

Новизна исследования заключается в следующих аспектах:

1. Впервые проведен системный анализ дискурсивных стратегий российской политической элиты в отношении развития искусственного интеллекта с применением методологии критического дискурс-анализа. В отечественной научной литературе отсутствуют комплексные исследования, изучающие политический дискурс об ИИ через призму дискурс-аналитических методов.

2. Впервые выявлена и описана специфическая модель российского подхода к концептуализации искусственного интеллекта, характеризующаяся интеграцией религиозно-этических, государственно-политических и технократических компонентов. Подобная конфигурация дискурсивных

элементов не фиксировалась в исследованиях западных и восточноазиатских моделей ИИ-дискурса.

3. Установлены и систематизированы интердискурсивные связи между различными типами политических акторов в процессе конструирования технологической политики. Выявлены механизмы образования консенсуса между политической, экономической и религиозной элитами по вопросам технологического развития.

4. Разработана матрица позиций политических акторов по ключевым аспектам развития ИИ (роль государства, экономические приоритеты, этические ограничения, образовательная политика), позволяющая провести кластеризацию подходов к технологическому регулированию.

5. Предложена прогностическая модель развития ИИ в России на основе анализа дискурсивных стратегий политических элит, включающая пять основных сценариев институционального развития с конкретными механизмами реализации.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом целенаправленного отбора публичных высказываний в период с января 2022 по февраль 2025 г. В ходе исследования было проанализировано более 100 высказываний восьми ключевых политических акторов, формирующих политическое поле технологического развития в российском дискурсивном пространстве.

Методологический инструментарий исследования базировался на интеграции методов критического дискурс-анализа (в традиции Н. Фэркло) и семантического контент-анализа, что позволило выявить дискурсивные стратегии политических акторов.

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом целенаправленного отбора публичных высказываний в период с января 2022 по декабрь 2024 г. Основными источниками стали официальные сайты государственных органов, стенограммы пресс-конференций, выступлений на форумах, интервью в СМИ и публичные заявления на официальных мероприятиях.

Критериями отбора высказываний служили: прямое упоминание искусственного интеллекта или связанных технологий; публичный характер заявления; официальный статус источника информации; тематическая релевантность для анализа государственной политики в сфере ИИ.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретико-методологические основания дискурс-анализа в политической сфере представлены в фундаментальных работах Т. ван Дейка [1], М. Фуко [2]. Концептуализация дискурса как социальной практики, сопряженной с отношениями власти, обнаруживается в исследованиях критического дискурс-анализа. В российской научной традиции методологическое осмысление политического дискурса осуществляется в работах Е.И. Шейгал [3], анализирующей семиотические аспекты политической коммуникации.

Проблематика политического дискурса в контексте современных коммуникативных стратегий рассматривается в исследованиях Н.Н. Васильковой [4], М.В. Гавриловой [5]. Когнитивные аспекты политического дискурса анализируются в работах Д.В. Шапочкина [6]. Вопросы креолизованного политического текста исследуются М.Б. Ворошиловой [7]. Проблемы политической корректности в современном политическом дискурсе рассматриваются М.С. Головиным [8].

Вопросы применения искусственного интеллекта в политической сфере анализируются в работах С.В. Володенкова, С.Н. Федорченко [9], Д.Н. Лапаева, Г.А. Морозовой [10]. Концептуализация политических процессов в эпоху больших данных и искусственного интеллекта представлена в исследованиях А.Ю. Долгова [11].

Однако существенный пробел в научном знании составляет отсутствие комплексных исследований, интегрирующих методологию дискурс-анализа и проблематику политического конструирования технологического развития в области ИИ. Недостаточно изученными остаются дискурсивные практики легитимации и оспаривания технологических инноваций в политическом пространстве современной России [12].

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМАЦИИ

1. Дискурс технологического суверенитета

Доминирующей дискурсивной формацией в высказываниях представителей политической элиты России является артикуляция необходимости обеспечения технологического суверенитета в сфере искусственного интеллекта. Данный дискурс наиболее ярко представлен в высказываниях Президента РФ В.В. Путина, что подтверждается следующими дискурсивными маркерами:

- «От того, каких результатов мы добьемся, зависит место России в мире, наш суверенитет, безопасность и состоятельность нашей страны»;

- «...технологии искусственного интеллекта (ИИ) открывают новые возможности в целом ряде областей. Ограничения со стороны Запада, наложенные на Россию, в свою очередь, подталкивают ее к развитию ИИ»;

- «...нельзя работу в области применения искусственного интеллекта в образовании поручать «на откуп» крупным частным компаниям».

Корреляция с данной дискурсивной формацией прослеживается также в высказываниях Патриарха Кирилла: «России необходим собственный, “суверенный” ИИ», что свидетельствует о консенсусе между политическим и религиозным дискурсами в вопросе технологического суверенитета.

Стратегия важности технологического суверенитета конструируется через обращение к категориям национальной безопасности, геополитического соперничества и сохранения культурной идентичности. М.И. Шадаев провозглашает данную позицию в контексте правового регулирования: «Подходы России к регулированию искусственного интеллекта близки к позиции Китая, где считают, что все данные принадлежат государству».

2. Дискурс экономической эффективности

Второй доминирующей дискурсивной формацией является представление искусственного интеллекта как инструмента экономического развития и повышения эффективности. Данный дискурс наиболее ярко отражается в высказываниях Председателя Правления ПАО Сбербанк Г.О. Грефа и А.А. Ведяхина, первого заместителя Председателя Правления ПАО Сбербанк. Именно данные представители российских коммерческих структур наиболее часто высказываются об искусственном интеллекте:

- «Искусственный интеллект станет драйвером развития всех остальных технологий» (Г.О. Греф);
- «К 2030 году вклад искусственного интеллекта в ВВП России может составить от 4% до 6%» (Г.О. Греф);
- «По нашим подсчетам за 2023 год триллион рублей дополнительного ВВП дал искусственный интеллект» (А.А. Ведяхин).

Экономический дискурс конструируется через лексические единицы из семантического поля эффективности: «драйвер развития», «дополнительный ВВП», «отдача от инвестиций», «монетизация». Примечательна дискурсивная стратегия подсчета экономических эффектов: «В 2023 году каждый рубль, инвестированный в искусственный интеллект, приносил примерно 7 рублей, а сейчас — 8 рублей» (Г.О. Греф).

Взаимная риторика экономического и технологического дискурсов проявляется в конструировании нарратива о неизбежности технологических изменений как экономической необходимости: «И мы сейчас видим, что 72% организаций это сделали. Думаю, что в 2025 году это будет уже 90% плюс, а те, которые не внедрили, просто уйдут с рынка» (А.А. Ведяхин).

3. Дискурс этического и правового регулирования

Особое место в дискурсивном пространстве занимает проблематика этического и правового регулирования искусственного интеллекта. Данная формация наиболее выражена в высказываниях А.Е. Хинштейна, Патриарха Кирилла и С.М. Миронова:

- «Законодательно нам надо эти вещи закреплять... очевидно, что нужен закон, который даст правовое регулирование вообще сферы ИИ» (А.Е. Хинштейн);

- «Искусственный интеллект тоже должен существовать в определенных границах, он не может просто саморазвиваться без контроля со стороны человека» (А.Е. Хинштейн);

- «Отвергать достижения науки и возможности ИИ нельзя, но необходимо поставить такие технологии под «жесткий контроль» общества и государства России» (Патриарх Кирилл).

Дискурсивная стратегия конструирования угрозы используется для легитимации необходимости регулирования. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал депутатов Госдумы подумать над ограничением возможностей инструментов искусственного интеллекта, который, по его мнению, «опаснее, чем ядерная энергия».

Интересно отметить амбивалентность в подходах к регулированию: с одной стороны, артикулируется необходимость «жесткого контроля» (Патриарх Кирилл); с другой — предлагается концепция «мягкого регулирования»: «Считаю, что нам необходимо регулирование искусственного интеллекта, но регулирование мягкое с точки зрения определения этого явления и с точки зрения его последующего развития» (А.Е. Хинштейн).

4. Дискурс образовательной трансформации

Отдельное направление составляет представление технологий искусственного интеллекта в контексте трансформации образовательной системы. Здесь наблюдаются два противоположных полюса:

1. Оптимистический дискурс технологической модернизации: «Если на предыдущем этапе бла-

годаря COVID искусственный интеллект пришел в здравоохранение, то следующие 5–6 лет, мы считаем, что будет глобальная перестройка системы образования, то есть искусственный интеллект сможет помогать выстраивать индивидуальную траекторию для каждого ребенка» (М. И. Шадаев).

2. Критический дискурс оптимизации и дегуманизации: «Стратегия цифровой трансформации образования на деле может обернуться очередной волной оптимизации школ и дальнейшим внедрением дистанта»; «Искусственный интеллект может увидеть ошибки, но понять причину этих ошибок, чтобы выстроить дальнейшую работу с учеником, может только учитель... не исключая, что под предлогом внедрения искусственного интеллекта наши чиновники от образования устроят педагогам очередное сокращение штатов и зарплат» (С. М. Миронов).

В этом контексте В. В. Путин занимает уравновешенную позицию: «искусственный интеллект не должен заменять учителей, он должен их дополнять», что указывает на стремление к балансированию дискурса технологической модернизации и сохранения гуманистических ценностей в образовании.

5. Эсхатологический дискурс

Уникальной особенностью российского политического дискурса об искусственном интеллекте является наличие эсхатологического измерения, репрезентируемого преимущественно в высказываниях Патриарха Кирилла и Г. А. Зюганова. Рассуждая об опасности ИИ, Патриарх Кирилл напомнил депутатам, что, «согласно Библии, в конце человеческой истории придет антихрист, который обретет силу только при поддержке общества», «и еще не известно, какой может быть роль искусственного интеллекта в приближении этой апокалиптической картины»;

Г. А. Зюганов отметил, что «если инструменты ИИ попадут в пользование «бездарных людей», то последствия такого применения могут быть «хуже гитлеровского концлагеря».

Эсхатологический дискурс конструируется через использование религиозных концептов («антихрист», «апокалиптическая картина») и исторических аналогий с катастрофическим опытом прошлого («гитлеровский концлагерь»). Данная дискурсивная формация выполняет функцию легитимации необходимости этического и правового регулирования через конструирование образа потенциальной угрозы экзистенциального характера.

6. Интердискурсивные связи

Анализ высказываний представителей российской политической элиты позволяет выявить следующие интердискурсивные связи:

Взаимодействие государственного и экономического дискурсов проявляется в интеграции нарратива о технологическом суверенитете (В. В. Путин) и экономической эффективности (Г. О. Греф, А. А. Ведяхин). Это свидетельствует о формировании консенсуса между политической и экономической элитами относительно стратегических приоритетов технологического развития.

Переплетение религиозного и политического дискурсов обнаруживается в синхронизации позиций о необходимости регулирования и контроля (Патриарх Кирилл и А. Е. Хинштейн), что указывает на консолидацию традиционалистской повестки в вопросах технологического развития.

Противопоставление между дискурсами оптимизации и гуманизации проявляется в противопоставлении экономически ориентированного подхода к внедрению ИИ в образовании (М. И. Шадаев) и гуманистического подхода, ориентированного на сохранение человеческого фактора (С. М. Миронов, В. В. Путин).

Общность дискурсов суверенитета и безопасности прослеживается в высказываниях В. В. Путина и Патриарха Кирилла, что свидетельствует о формировании единого нарратива о технологическом суверенитете как факторе национальной безопасности.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ И РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Анализ лексических средств показывает использование различных риторических стратегий для конструирования отношения к ИИ.

Милитаристская риторика присутствует в высказываниях о технологическом суверенитете: «место России в мире», «суверенитет», «безопасность». Данная метафорика конструирует образ технологического противостояния и необходимости «обороны» в цифровой сфере.

Экономическая риторика доминирует в высказываниях представителей бизнеса: «драйвер развития», «дополнительный ВВП», «отдача от инвестиций», «монетизация». Использование точных цифровых показателей («4% до 6% ВВП», «каждый рубль приносил 7–8 рублей») служит стратегией рационализации и легитимации через числовые конструкции.

Религиозно-эсхатологическая риторика характерна для традиционалистского дискурса:

«антихрист», «апокалиптическая картина», «опаснее ядерной энергии». Эта лексика конструирует образ экзистенциальной угрозы и необходимости духовного осмысления технологических изменений.

Модальность высказываний также различается: от категоричных утверждений («должен существовать в определенных границах») до осторожных прогнозов («может составить», «вероятно»). Высокая степень модальности характерна для высказываний о регулировании, низкая — для экономических прогнозов.

В рамках исследования был также проведен семантический контент-анализ (табл. 1).

Так, В.В. Путин демонстрирует общегосударственный подход к проблематике ИИ. Доминирование лексических единиц «сфера», «развитие», «применение» указывает на восприятие ИИ как инструмента национального развития. Высокая частотность упоминания «России» свидетельствует о позиционировании страны как субъекта технологической конкуренции. Целевая установка — обеспечение технологического суверенитета.

Г.О. Греф представляет бизнес-ориентированный дискурс с выраженным техническим компонентом. Преобладание терминов «технология», «модель», «генеративный» отражает прагматический под-

ход к коммерциализации ИИ-решений. Акцент на «проникновении» технологий демонстрирует стратегию активной интеграции ИИ в бизнес-процессы. А.А. Ведяхин формулирует международно-экономический взгляд на ИИ. Акцент на «стране», «зарубежном», «рынке» отражает стратегию встраивания российских ИИ-технологий в глобальные экономические процессы при условии работы с «дружественными странами».

М.И. Шадаев, как министр цифрового развития, фокусируется на операционных аспектах цифровой трансформации. Ключевые понятия «технология», «использование», «внедрение» указывают на административно-исполнительную роль в процессах технологического обновления государственного аппарата.

А.Е. Хинштейн, будучи депутатом Госдумы, представляет законодательную повестку, что проявляется в доминировании терминов «регулирование» и «правовой». Данная позиция отражает необходимость формирования нормативной базы для технологического развития и минимизации рисков.

Патриарх Кирилл представляет этико-философскую рефлексию относительно ИИ. Акцент на «возможностях», «инструменте» и «обществе» демонстрирует осторожно-взвешенную оценку социальных последствий технологической революции.

Таблица 1 / Table 1

Семантическое ядро высказываний российской политической элиты об искусственном интеллекте / The semantic core of statements by the russian political elite on artificial intelligence

Актор / Actor	Доминирующие лексические единицы / Dominant lexical units
В.В. Путин	сфера (6), развитие (5), Россия (5), все (4), применение (4), новое (3), область (3), возможность (2), гражданин (2)
Г.О. Греф	технология (11), модель (8), генеративный (6), все (5), проникновение (5), генеративными моделями (4), много (4), несколько (4), оно (4), быстрое проникновение (3), быстрый (3)
Патриарх Кирилл	патриарх (3), возможность (2), инструмент (2), интеллект (2), искусственного интеллекта (2), искусственный (2), общество (2), Россия (2)
А.Е. Хинштейн	регулирование (5), сегодня (4), зрение (3), компьютер (3), много (3), оно (3), правовой (3)
М.И. Шадаев	технология (7), использование (4), близкий (3), внедрение (3), отметить (3), развитие (3), сервис (3), создать (3)
С.М. Миронов	образование (4), российский (4), россия (4), флаг (4), может (3), партия (3)
А.А. Ведяхин	страна (4), зарубежный (3), помогать (3), рынок (3), бизнес (2), дружественных стран (2)
Г.А. Зюганов	смочь (2), бездарный (1), гитлеровский (1), депутат (1), заменить (1), концлагерь (1), народный (1)

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Целевая установка — сохранение традиционных ценностных ориентиров.

С.М. Миронов связывает ИИ-тематику с национально-образовательными приоритетами. Частотность упоминания «образования» и «российского» указывает на стремление интегрировать ИИ в систему подготовки кадров с сохранением национальной идентичности.

Г.А. Зюганов демонстрирует скептическое отношение к ИИ-инициативам. Использование эмоционально окрашенных терминов типа «бездарный», «гитлеровский» свидетельствует о восприятии ИИ через призму идеологического противостояния и критики власти.

ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ ИИ В РОССИИ НА ОСНОВЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПОЛИТИКОВ

Анализируя высказывания представителей российской политической элиты, можно предположить несколько возможных сценариев развития ИИ в России (табл. 2).

Также автором было проведено сравнение позиций политических акторов по основным аспектам, которые затрагивались политической элитой при высказываниях об ИИ (табл. 3).

Анализ данной матрицы позволяет выделить три основных кластера позиций. Технократический кластер (Г.О. Греф, А.А. Ведяхин, частично М.И. Шадаев) характеризуется акцентом на экономической эффективности и минимизации регулятивных ограничений. Государственно-регулятивный кластер (В.В. Путин, А.Е. Хинштейн, М.И. Шадаев) фокусируется на балансе инноваций и государственного контроля. Консервативно-этический кластер (Патриарх Кирилл, Г.А. Зюганов, С.М. Миронов) подчеркивает необходимость строгого контроля и сохранения традиционных ценностей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ высказываний представителей российской политической элиты показал формирование пяти основных направлений в обсуждении ИИ: технологический суверенитет, экономическая эффективность, этическое регулирование, образовательная трансформация и эсхатологические опасения. Каждое направление имеет своих основных представителей и специфические языковые особенности.

Уже сегодня мы видим примеры широкого государственно-частного пространства в области разработки и продвижения российских систем искусственного интеллекта. Так, например, при разработке и реализации Федерального проекта

«Искусственный интеллект» учитывалось также частное финансирование — проект был на 64% профинансирован ПАО Сбербанк.

Более того, нейросеть, разработанная ПАО Сбербанк — GigaChat, была применена для анализа присылаемых для прямой линии Президента вопросов от граждан, что демонстрирует общие усилия по продвижению национальных нейросетевых моделей.

Подтвердилась гипотеза о том, что российский политический дискурс об ИИ объединяет три разных подхода: технократический (Г.О. Греф, А.А. Ведяхин), государственный (В.В. Путин, М.И. Шадаев, А.Е. Хинштейн) и традиционалистский (Патриарх Кирилл, Г.А. Зюганов, С.М. Миронов). Эти подходы не противоречат друг другу, а дополняют единую картину развития технологий в России. Выявленные дискурсивные стратегии демонстрируют следующие векторы институционального развития ИИ в России: усиление государственного регулирования, формирование технологического суверенитета, создание специализированной нормативно-правовой базы и интеграцию ИИ в образовательные практики при сохранении антропоцентричного подхода.

Сравнительный анализ российского дискурса с международными тенденциями демонстрирует формирование альтернативной модели концептуализации ИИ-технологий, характеризующейся более выраженной ролью государственного регулирования и этических ограничений по сравнению с либерально-рыночными подходами западных стран. Данная особенность указывает на потенциал России в формировании самостоятельного центра технологического развития с собственной нормативной парадигмой.

Однако анализ материалов показывает серьезные расхождения между тем, что говорят политики о развитии ИИ, и тем, что происходит на практике в области регулирования и развития этих технологий.

Заявления В.В. Путина о необходимости «суверенного ИИ» и «суверенитета персональных данных» не соответствуют реальной зависимости от зарубежных технологий. Хотя президент говорит о важности собственных разработок, федеральный проект «Искусственный интеллект» на 64% финансируется Сбербанком, а не государством. Это показывает, что государственные программы фактически зависят от частных компаний. Заявления о том, что Россия станет альтернативным центром развития ИИ-технологий, не подкрепляются созданием полноценных технологических систем

Прогнозы развития искусственного интеллекта в Российской Федерации /
Forecasts for the development of artificial intelligence in the Russian Federation

Прогностический сценарий / Predictive scenario	Институциональные механизмы реализации / Institutional implementation mechanisms
Государственный контроль над развитием ИИ	Учитывая высказывания В.В. Путина, Патриарха Кирилла и М.И. Шадаева о важности суверенитета и контроля, вероятно: <ul style="list-style-type: none"> • усиление государственного надзора за развитием ИИ через законы, лицензии и сертификаты; • приоритетное развитие российских технологий ИИ для обеспечения независимости от западных разработок; • активное внедрение ИИ в государственное управление и получение государственных услуг; • создание особой правовой базы, отражающей российский подход к регулированию; • обработка и хранение данных преимущественно на территории России
Государственно-частное партнерство в сфере ИИ	Высказывания Г.О. Грефа, А.А. Ведяхина и их связь с позицией государственных деятелей указывают на вероятность: <ul style="list-style-type: none"> • развития государственно-частного партнерства в сфере ИИ с участием крупных российских компаний; • создания экосистемы технологических решений, объединяющих государственные и корпоративные сервисы; • объединения ресурсов для создания крупных национальных моделей ИИ, способных конкурировать с мировыми лидерами; • постепенного увеличения доли ИИ в ВВП до 4–6% к 2030 г. (прогноз Г.О. Грефа)
Дифференцированные подходы к отраслевому регулированию	Наличие высказываний о «мягком регулировании» (А.Е. Хинштейн) и «жестком контроле» (Патриарх Кирилл) позволяет предположить: <ul style="list-style-type: none"> • более строгие правила в сферах, связанных с безопасностью страны, ключевой инфраструктурой, образованием и информацией; • более свободное регулирование в экономике, где ИИ повышает конкурентоспособность; • создание отраслевых стандартов и этических правил применения ИИ с учетом особенностей каждой сферы; • формирование многоуровневой системы регулирования с разделением полномочий между федеральными и региональными властями
Трансформация образовательной системы	Анализируя высказывания В.В. Путина, М.И. Шадаева и С.М. Миронова об образовании, можно ожидать: <ul style="list-style-type: none"> • внедрение ИИ в учебный процесс при сохранении важной роли учителей; • создание индивидуальных образовательных путей на основе анализа данных об учениках; • напряженность между стремлением к оптимизации образования и желанием сохранить человеческий подход; • постепенное изменение учебных программ с учетом новых навыков, связанных с развитием ИИ
Геополитическая инструментализация ИИ	Высказывания, подчеркивающие геополитическое значение ИИ (В.В. Путин, Патриарх Кирилл), позволяют предположить: <ul style="list-style-type: none"> • усиление технологического сотрудничества с «дружественными странами» в противовес западным технологиям; • развитие собственных платформенных решений для обеспечения технологической независимости; • интеграцию ИИ в системы обеспечения национальной безопасности и обороны; • позиционирование России как альтернативного центра технологического развития с собственным подходом к регулированию ИИ

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Таблица 3 / Table 3

**Позиции политических акторов по ключевым аспектам развития ИИ /
Positions of political actors on key aspects of AI development**

Актор / Actor	Роль государства / Role of the State	Экономические приоритеты / Economic priorities	Этические ограничения / Ethical constraints	Образовательная политика / Educational Policy
В.В. Путин	Координирующая, обеспечение суверенитета	Важность, но не доминирование	Умеренные, сохранение человеческого фактора	Дополнение, не замещение учителей
Г.О. Греф	Партнерская с бизнесом	Первостепенные, драйвер развития	Минимальные, рыночное регулирование	Трансформация под потребности экономики
Патриарх Кирилл	Жесткий контроль	Вторичные	Максимальные, религиозно-этические	Осторожное внедрение
А.Е. Хинштейн	Правовое регулирование	Сбалансированные	Умеренные через законодательство	Необходимость правовых рамок
М.И. Шадаев	Цифровая трансформация	Высокие, цифровая экономика	Технические стандарты	Системная перестройка
С.М. Миронов	Социальная защита	Осторожные	Высокие, защита трудящихся	Сохранение традиционных форм
А.А. Ведяхин	Государственно- частное партнерство	Максимальные	Прагматические	Адаптация к новым технологиям
Г.А. Зюганов	Государственный контроль	Критические	Максимальные	Критическое отношение к инновациям

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

из-за санкций на импорт важных компонентов и программ.

Акторы одновременно говорят о «мягком регулировании» (А.Е. Хинштейн) и «жестком контроле» (Патриарх Кирилл). Заявления о сбалансированном правовом регулировании противоречат усилению административного контроля над цифровыми платформами и ограничениям доступа к международным ИИ-сервисам.

Обещания «мягкого регулирования для развития» не соответствуют созданию централизованных систем контроля и требованиям размещать ИИ-сервисы только на территории России.

Заявление В.В. Путина о том, что «ИИ должен дополнять учителей, а не заменять их», противоречит практическим планам цифровой трансформации образования. М.И. Шадаев говорит о «глобальной перестройке системы образования» и создании «индивидуальных траекторий для каждого ребенка»,

что на деле может привести к сокращению роли учителей. С.М. Миронов указывает на эту проблему, предупреждая о риске «сокращения штатов и зарплат» под видом внедрения ИИ. Обещанный гуманистический подход к образованию противоречит экономической логике экономии на педагогических кадрах.

Экономический подход Г.О. Грефа и А.А. Ведяхина, направленный на получение максимальной прибыли («каждый рубль приносит 7–8 рублей»), преобладает над этическими соображениями при принятии решений. Заявленные этические принципы не превращаются в конкретные ограничения на коммерческое использование ИИ в социально важных сферах.

Обещанная модель партнерства государства и частного бизнеса фактически превращается в доминирование крупных корпораций в определении путей развития технологий. Использование ней-

росети GigaChat для анализа вопросов граждан во время прямой линии Президента показывает внедрение частных технологий в государственные процессы без создания собственных государственных платформ.

Заявления о разнообразии технологических решений противоречат концентрации ИИ-разработок в нескольких крупных компаниях (Сбер, Яндекс), что создает риски монополизации важных технологий. Позиционирование России как центра альтернативной модели развития ИИ не соответствует фактическому копированию западных технологических стандартов и решений в российских разработках. Выявленные противоречия показывают существенный разрыв между тем, как политики говорят об ИИ-политике, и тем, как она реально осуществляется.

Таким образом, эмпирические данные исследования показывают формирование в российском политическом дискурсе особой модели понимания искусственного интеллекта, которая одновременно учитывает экономическую целесообразность, государственную безопасность и традиционные ценностные установки. Данная конфигурация представляет собой уникальное явление в контексте международных дискурсивных практик технологического регулирования.

Выявленные различия между заявленными установками и практическими действиями показывают наличие системных противоречий в процессах формирования технологической политики. Обнаруженные несоответствия между дискурсивным конструированием и механизмами реализации указывают на необходимость пересмотра стратегических приоритетов в сфере искусственного интеллекта.

Прогностический потенциал исследования реализуется через определение ключевых направлений институционального развития: усиление государственного регулирования, развитие различных отраслевых подходов к нормативному регулированию, трансформацию образовательных практик и геополитическое использование ИИ-технологий.

ВЫВОДЫ

На основе проведенного исследования **наиболее вероятным** представляется сценарий формирования гибридной модели развития искусственного интеллекта, характеризующейся доминированием государственно-частного партнерства при сохране-

нии декларативных принципов технологического суверенитета. Учитывая центральную роль позиции В.В. Путина в формировании приоритетов, прогнозируется усиление регулятивных механизмов в стратегически важных сферах при одновременном предоставлении относительной автономии частному сектору в коммерческих разработках. Противоречия между заявленными установками и практическими действиями указывают на вероятность компромиссного подхода, при котором государственный контроль будет осуществляться преимущественно через административные инструменты и требования локализации данных.

Практическая реализация данной модели предположительно будет характеризоваться концентрацией ИИ-технологий в ограниченном числе крупных корпораций под государственным надзором, постепенным внедрением технологий в образовательную систему с сохранением формальной роли педагогических кадров, а также развитием альтернативных международных технологических партнерств. Выявленные системные противоречия между дискурсивным конструированием и механизмами реализации свидетельствуют о том, что окончательная институциональная модель будет формироваться через процессы практической адаптации декларируемых принципов к реальным экономическим и технологическим ограничениям.

Сравнительный анализ российской дискурсивной модели с западными и восточноазиатскими подходами выявляет специфические характеристики отечественной парадигмы: преобладание государственных приоритетов над рыночными механизмами, включение религиозно-этических компонентов в технологический дискурс, акцент на геополитических аспектах технологического развития.

Ограничения настоящего исследования обусловлены временными рамками анализируемого материала (2022–2024 гг.) и фокусом на федеральном уровне политической коммуникации. Расширение эмпирической базы путем включения региональных дискурсивных практик и продление исследовательской перспективы позволят проверить полученные результаты и уточнить выявленные закономерности.

Перспективы дальнейших исследований включают разработку сравнительной типологии национальных моделей дискурсивного конструирования технологических инноваций, анализ изменения дискурсивных стратегий во времени, исследование

механизмов передачи политических дискурсов в массовое сознание через медиальные практики.

Практическое значение результатов исследования определяется возможностью их применения в процессах стратегического планирования технологического развития, разработке коммуникативных стратегий для политических деятелей, форми-

ровании программ общественного просвещения в сфере искусственного интеллекта. Выявленные дискурсивные модели могут служить основанием для корректировки государственной политики с целью устранения выявленных различий между заявленными установками и институциональными практиками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2013. 344 с.
2. Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга; 2004. 416 с.
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис; 2004. 326 с.
4. Василькова Н.Н. Политический дискурс: коммуникативные стратегии регулирования. *Дискурс-Пи*. 2018;32(3):38–43. DOI: 10.17506/dipi.2018.32.3.3843
5. Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. *Полис. Политические исследования*. 2004;(3):127–139. DOI: 10.17976/jpps/2004.03.13
6. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. Монография. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета; 2018. 292 с.
7. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; 2013. 194 с. URL: <https://www.elibrary.ru/qirmsx>
8. Головин М.С. Идея политической корректности в политическом дискурсе современной Великобритании. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023;25(1):204–217. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-204-217
9. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере: обзор современных научных работ. *Дискурс-Пи*. 2024;21(2):24–48. DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_24
10. Лапаев Д.Н., Морозова Г.А. Искусственный интеллект: за и против. *Развитие и безопасность*. 2020;(3):70–77. DOI: 10.46960/2713-2633_2020_3_70
11. Долгов А.Ю. Дивный новый цифровой мир: политика в эпоху больших данных и искусственного интеллекта (Рецензия). *Политическая наука*. 2023;(4):274–283. DOI: 10.31249/poln/2023.04.11
12. Abuelwafa M.A. Legitimation and manipulation in political speeches: A corpus based study. *Procedia Computer Science*. 2021;189:11–18. DOI: 10.1016/j.procs.2021.05.066

REFERENCES

1. Van Dijk T. Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. Translated from English. Moscow: LIBROCOM Book House; 2013. 344 p. (In Russ.).
2. Foucault M. Archeology of knowledge. Transl. from French by M. B. Rakova, A. Y. Serebryannikova. St. Petersburg: IC "Humanitarian Academy"; University Book; 2004. 416 p. (In Russ.).
3. Sheigal E. I. Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis; 2004. 326 p. (In Russ.).
4. Vasilkova N. N. Political discourse: Communicative strategies of regulation. *Discourse-Pi*. 2018;32(3):38–43. (In Russ.). DOI: 10.17506/date.2018.32.3.3843
5. Gavrilova M. V. Political discourse as an object of linguistic analysis. *The policy. Political research*. 2004;(3):127–139. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2004.03.13
6. Shapochkin D. V. Political discourse: A cognitive aspect. Monograph. 2nd ed., revised and add. Tyumen: Tyumen State University Press; 2018. 292 p. (In Russ.).
7. Voroshilova M. B. Political creolized text: The keys to reading. Monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2013. 194 p. URL: <https://www.elibrary.ru/qirmsx> (In Russ.).
8. Golovin M. S. The idea of political correctness in the political discourse of modern Britain. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2023;25(1):204–217. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-204-217

9. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. The risks of using artificial intelligence algorithms in the socio-political sphere: A review of modern scientific papers. *Discourse-Pi*. 2024;21(2):24–48. (In Russ.). DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_24
10. Lapaev D. N., Morozova G. A. Artificial intelligence: Pros and cons. *Development and security*. 2020;(3):70–77. (In Russ.). DOI: 10.46960/2713–2633_2020_3_70
11. Dolgov A. Y. Brave new digital world: Politics in the era of big data and artificial intelligence (Review). *Political science*. 2023;(4):274–283. (In Russ.). DOI: 10.31249/complete/2023.04.11
12. Abuelvafa M. A. Legitimation and manipulation in political speeches: A study based on corpus material. *Procedia Computer Science*. 2021;189:11–18. DOI: 10.1016/j.procs.2021.05.066

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ольга Александровна Яманова — аспирант, стажер-исследователь Центра политических исследований, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga A. Yamanova — PhD Student, Intern Researcher at the Center for Political Studies, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0005-1857-5499>

249791@edu.fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.09.2025; принята к публикации 15.10.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.09.2025; accepted for publication on 15.10.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.